

Траектории развития дисциплин и понятий

Евгений Добренко

Читая сталинизм:

СТАЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

Evgeny Dobrenko

Reading Stalinism: Stalinist Culture as a Field of Research

Евгений Добренко (Университет Венеции Ca' Foscari, профессор; PhD) evgeny.dobrenko@unive.it

Ключевые слова: сталинская культура, историография, советология, русистика

УДК:
DOI:

Статья представляет анализ исследовательского поля, посвященного сталинской культуре, которое стремительно менялось с начала 1990-х годов, когда изучение сталинизма вышло из сферы традиционной советологии и постепенно стало одним из доминирующих направлений в истории XX века. Среди основных факторов, оказавших влияние на формирование этого научного поля, можно назвать смену поколений исследователей, интердисциплинарность и методологические сдвиги, демократизацию, открытие архивов, а также изменения в академической экономике. Однако в целом анализ западной и российской историографии обнаруживает многочисленные лакуны в исследованиях сталинизма и необходимость новых методологических и институциональных изменений.

Evgeny Dobrenko (Ca' Foscari University of Venice, Professor; PhD) evgeny.dobrenko@unive.it

Key words: Stalinism, Historiography, Sovietology, Russian studies

UDC:
DOI:

The article analyses Stalinism as a research field, which has been rapidly changing since the early 1990s, when the study of Stalinism left the sphere of traditional Sovietology and gradually became one of the dominant trends in the history of the twentieth century. Among the main factors that influenced the formation of this scientific field are the change of generations of researchers, interdisciplinarity and methodological shifts, democratization, the opening of archives, as well as changes in the academic economy. However, in general, the analysis of Western and Russian historiography reveals numerous gaps in the study of Stalinism and the need for new methodological and institutional changes.

В 1991 году мне пришлось параллельно заниматься двумя проектами. Для издательства «Советский писатель» я составлял сборник о соцреализме, где собрал материалы дискуссий о нем, проходивших в СССР начиная с 1987 года. А для журнала «Вопросы литературы» — специальный номер «Тоталитаризм и культура». Вышло так, что книга «Избавление от миражей» [Избавление от миражей 1990] оказалась последней книгой о соцреализме, вышедшей в СССР, а специальный номер «Вопросов литературы» [Вопросы литературы 1992] оказался первым сборником работ о сталинской культуре, вышедшем уже в постсоветской России.

Задним числом ясно, что назвать дискуссии эпохи перестройки полноценными нельзя. Это было скорее прощупыванием почвы: насколько далеко можно было продвинуться в критике. Говорили тогда все, по сути, одно: надо ломать старый каркас истории русской литературы XX века, долой сталинские схемы, да здравствует «настоящая», «возвращенная», «потаенная», «великая» литература. Напор этот был настолько сильным, что смолкли даже записные обскуранты, поняв, что пришло какое-то невероятное время. Помню, каких трудов мне стоило найти кого-нибудь, кто заступился бы за «метод»: для «дискуссии» нужны были «разные точки зрения»... Разности достичь между тем было невозможно. По существу, разными были лишь степени отрицания ненавистного соцреализма.

Работы западных коллег о сталинской культуре до 1980-х годов мало отличались от того, что писалось в СССР в последние годы его существования, поскольку в сложившейся в постсталинскую эпоху модели истории литературы не было места не только репрессированным писателям или «полочным» книгам. В эпоху оттепели из нее была вычищена и сталинская литература. Помню, как поразило меня в свое время первое посещение спецхрана, где на полках книги Солженицына соседствовали с фолиантом «Сталин в поэзии народов СССР», а сразу за собранием сочинений Сталина следовали тома Троцкого, рядом с книгами и брошюрами Бухарина и Зиновьева лежали книги и брошюры Маленкова и Кагановича, а рядом с русским изданием «Большого террора» Роберта Конквеста стояла книга о пламенном наркоме Ежове 1937 года издания. Сталинская культура не только не существовала в СССР как предмет анализа, но была практически полностью выведена из публичного поля, где соцреализм существовал в виде секретарской литературы и нераскупаемых книг литературных чиновников от Маркова и Софронова до Суркова и Грибачева. Да, не поощрялись работы о Бабеле или Булгакове, о многих произведениях Платонова или Мандельштама нельзя было упоминать, а имена Замятина или Набокова и вовсе были табуированы. Но ведь и о Бабаевском никто не мог писать. Неупоминаемым был «Доктор Живаго», но ведь исчезли и самые одиозные произведения сталинской литературы. Так, ушла под воду вся сталиниана — эта Атлантида сталинского искусства. Ее нельзя было упоминать так же, как литературу русского зарубежья, а антисталинские стихи Мандельштама или Ахматовой были точно так же неупоминаемы, как и стихи с восхвалениями Ежова... То же самое происходило и с живописью, скульптурой, кино: К. Малевич, В. Кандинский, П. Филонов оказались в запасниках рядом с А. Лактионовым и Д. Налбандяном, М. Хмелько и А. Герасимовым, И. Тоидзе и Ф. Решетниковым, Ф. Шурпинным и А. Феногеновым, исчезли грандиозные памятники Е. Вучетича и С. Меркурова, а фильмы А. Тарковского и С. Параджанова легли на полку по соседству с фильмами М. Чиаурели, Ф. Эрмлера, И. Пыр-

ева... Как заметил еще в середине 1980-х годов Борис Гройс, «искусство сталинского периода сейчас официально табуировано в Советском Союзе не меньше, чем искусство авангарда» [Гройс 2003: 24].

Это культурное обнуление сталинизма с обеих сторон было идеологической стратегией брежневской эпохи, результатом компромисса между иллюзиями шестидесятинической идеологии и пределами политических реформ в созданной Сталиным стране. Перестройка одним рывком преодолела эту половинчатость, оказавшись на другой стороне исторической пропасти. Однако у революционных эпох плохо по части строительства мостов. Эти эпохи славятся тягой к их сжиганию. Их возведение не входит в задачи революции. Но революция создает для этого предпосылки — и в этом ее огромная заслуга перед историей.

Призывы вернуть всю неупоминаемую литературу воспринимались как едва ли не кощунство. И в самом деле, кому нужен Бабаевский, когда бороться надо за Булгакова, кому нужен Сурков, когда остается неопубликованным Мандельштам? Споры нет, с точки зрения Литературы Бабаевского и Суркова не существует. Но в СССР была еще и литература (со строчной буквы) как крупнейшая культурно-идеологическая институция по формированию советского воображаемого, кодификации советского языка и артикуляции советских ментальных клише. Спустя тридцать лет можно констатировать, что без работы с этим механизмом, без анализа этой культуры история обречена на рецидивы, чему свидетельством — политическая культура современной России. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: в стране, где огромное число людей величайшим политическим деятелем признает величайшего в ее истории политического преступника, есть вещи поважнее, чем литература.

Словом, к большому своему удивлению и еще большему удивлению моих друзей и коллег я не перестал заниматься соцреализмом ради чего-то, что всем вокруг казалось куда более интересным, содержательным и важным, оказавшись уже в новой для себя научной среде, как раз в тот момент, когда эта тема воспринималась как совершенно маргинальная. Отношение к сталинской культуре на Западе мало отличалось от отношения к ней в России: в доперестроечном СССР она игнорировалась по политическим соображениям, а после — как недостойная рассмотрения. Ровно то же было и на Западе: занятия сталинской литературой рассматривались как курьез. Об этом писала, открывая свою книгу «Советский роман: История как ритуал» Катерина Кларк:

Когда во время какой-нибудь случайной встречи в профессиональном собрании я слышу вежливый вопрос, чем я «занимаюсь», я оказываюсь в тяжелом положении, будучи вынуждена признать, что занимаюсь советским романом. Сначала обычно мой собеседник пытается мне помочь, предполагая, если он знает что-нибудь о советской литературе, что ответ должен означать, что я занимаюсь одним из солидных писателей вроде Платонова, Булгакова, Пастернака или Солженицына. «Нет?.. Ну тогда хотя бы кто-то вроде Федина... Не совсем?.. О!» Затем следует страшная пауза, когда все выясняется: я занимаюсь советским романом, теми сотнями нечитаемых текстов, которые служат примерами социалистического реализма. То есть я занимаюсь не хорошими романами, опубликованными в Советском Союзе, или даже не хорошими примерами типичной советской литературы, но действительно теми произведениями, авторы которых *умышленно* следовали конвенциям социалистического реализма. В этот момент я начинала понимать, как чувствовали себя прокаженные. Мой собеседник отвечает либо

отказом от дальнейшего разговора на эту тему, либо начинает бормотать слова сочувствия и удивления: «Как вам вообще удастся пройти через это?!»

Советский социалистический реализм практически табуированная тема в западной славистике. Хотя и не совсем табу, потому что ее можно обсуждать, но желательна только в тонах возмущения, недоумения, насмешки или элегии [Clark 1981: IX].

Такова была ситуация на Западе в начале 1980-х годов. В России сталинская культура как предмет исследования тридцать лет назад вообще не существовала. Помню, как в 1992 году с Томасом Лахусеном, Катериной Кларк и Нэнси Конди мы организовывали секцию о соцреализме на очередной конференции Американской ассоциации развития славистики (The American Association for the Advancement of Slavic Studies (AAASS)). Среди сотен (!) секций о Серебряном веке, эмигрантской литературе и русской классике наша секция была единственной, посвященной сталинской культуре. Именно тогда с Хансом Гюнтером мы задумали проект «Соцреалистический канон», в создании которого приняли участие десятки коллег как из России, так и из Европы и США. В результате мы не только подготовили книгу [Гюнтер, Добренко 2000], но и смогли впервые собрать разбросанных по всему миру специалистов, занимавшихся сталинской культурой. Сегодня ситуация совсем иная. Мне посчастливилось быть свидетелем и участником превращения этого исследовательского поля в одно из ведущих в современной русистике. В течение всех этих лет я по мере возможностей также старался знакомить читателей «Нового литературного обозрения» с происходящими переменами в этой сфере, регулярно публикуя обзоры и рецензии на новые работы, выходявшие как в России, так и на Западе.

Формативный период нового подхода к соцреализму как к серьезной исследовательской проблеме пришелся на 1980-е годы. Именно тогда в самом начале десятилетия на Западе появляются пионерские книги Катерины Кларк [Clark 1981] и Ханса Гюнтера [Günther 1984], в середине 1980-х годов издается «Культура Два» Владимира Паперного [Паперный 1985], в конце десятилетия по-немецки выходит книга Бориса Гройса [Groys 1988], а уже в 1990 году публикуется «Тоталитарное искусство» Игоря Голомштока [Golomstock 1990]. Именно о них я писал в своем первом обзоре тридцатилетней давности для «Вопросов литературы» [Добренко 1992]. Что же представляло собой это научное поле? Помимо традиционной советологии, в которой, кстати, было немало первоклассных работ — сошлюсь на книги Эдварда Брауна о РАППе [Brown 1953], Германа Ермолаева о теоретических предпосылках соцреализма [Ermolaev 1963], Веры Данам о сталинской послевоенной беллетристике [Dunham 1976], Мориса Фридберга о русских классиках в советских обложках [Fridberg 1962]. В отличие от страстных антикоммунистических манифестов типа «Писателей в униформе» Макса Истмена [Eastman 1934], блестящих иронических памфлетов типа знаменитого эссе Синявского «Что такое социалистический реализм» и поверхностно-обзорных работ о советской литературе [Brown 1982; Through the Glass of Soviet Literature 1953; Slonim 1964], здесь была и серьезная источниковая база, и качественный историко-литературный анализ.

Однако уже в этих работах рассматривались разные аспекты — историко-литературный (у Гюнтера), структурный (у Кларк), историко-культурный (у Паперного), актуальный (у Гройса), компаративно-искусствоведческий (у Голомштока). При этом они были написаны в чрезвычайно широком методоло-

гическом диапазоне — от традиционного исторического нарратива и правоверного структурализма до постмоденизма. Но, конечно, это были лишь первые подступы к огромному материалу.

Сдвиги, происшедшие в западной русистике в последующие полтора десятилетия, пожалуй, наиболее очевидны в смещении научного интереса и в его концентрации на советской истории, а еще точнее — на сталинской эпохе. По крайней мере, три группы причин этого кажутся мне определяющими.

Во-первых, это причины поколенческие: то обстоятельство, что XIX век превратился почти в Античность, а работы по досоветской эпохе стали сравнительной редкостью, частично объясняется уходом старшего поколения славистов (нередко учеников русских эмигрантов первой волны); резкое снижение интереса к революционной эпохе, бывшей невероятно популярной начиная с 1960-х годов, тоже может быть объяснено уходом поколения шестидесятников, левые политические симпатии которых привели их в свое время в русистику. И все же в том факте, что «молодежь выбирает Сталина», видится мне некий универсальный поколенческий принцип: первое поколение (поколение участников исторической эпохи) слепо, второе поколение (их дети, несущие в себе комплексы и травмы своих родителей) — глухо, и только третье поколение имеет историческую тактильность к собственному прошлому.

На смене актантов и поколений в русистике следует остановиться подробнее. Несколько поколений исследователей сменились в западной русистике со времени ее возникновения. Вначале были эмигранты-миссионеры первой волны и последующее поколение (частично потомки этой первой волны эмиграции, частично — представители второй волны), которые, собственно, и стояли у истоков русистики как научной дисциплины на Западе, возникшей одновременно с началом холодной волны, условно говоря, поколение 1950-х. Часть из них занимались советологией, но большая часть — русской классикой и Серебряным веком. Уже тогда между этими группами возникли отношения отталкивания/притяжения. «Классики» (включая прежде всего специалистов по Серебряному веку) презирали советологов за политическую ангажированность, считали их не филологами, но скорее политологами и едва ли не журналистами. Те, в свою очередь, считали, что «классики» зря едят хлеб, и вместо того, чтобы заниматься изучением врага [Engerman 2010], занимаются никому не нужными филологическими экзерсисами. Однако куда важнее этих расхождений то, в чем эти группы сходились идеологически: в политическом и эстетическом ретроградстве.

Им на смену уже в 1970-е годы пришли их ученики. Не обязательно в буквальном смысле. Речь идет об эмигрантской генерации третьей волны, которая по своим взглядам, интересам и предпочтениям была прежде всего антисоветской и нашла в традиции, созданной предшественниками, готовое и освященное поле для приложения сил. Поскольку представителей этой волны интересовало только пространство вне советской идеологии, они им и занимались. Именно тогда окончательно сложилось разделение обязанностей между, условно говоря, филологами и советологами. Первые занимались «высокой литературой», вторые — советскими темами. Подобное разделение позволяло обоим направлениям проводить свою повестку: «филологам», которые все активнее перемещались в пространство Серебряного века, это позволяло создавать дополнительный «символический капитал» на фоне «несуществующей» советской словесности, которая вся была объявлена эстетически неполноцен-

ной и потому недостойной серьезного научного интереса (после 1917 года изучать в России нечего, кроме того, что сохранилось от Серебряного века); советологи же сходились с «филологами» в главном — в том, что имеют дело с политико-пропагандистским материалом, отношение к которому они разделяли. Одновременно в русистику пришла западная левонастроенная молодежь, для которой занятия революционной Россией были формой протеста против доминировавшего тренда и советологии.

«Филологи» отлично вписывались в этот поколенческий разлом. Парадоксальным образом защита Красоты и Искусства от большевистского варварства, эстетический и методологический консерватизм, элитизм и принципиальная антитеоретичность, питавшие эти исследования, была не столько высоколобной оппозицией советологии (как они сами себе это представляли), сколько ее эстетическим изнанкой. Кастовая замкнутость этих исследователей, не способных к методологическим новациям, и их агрессивный эмпиризм питались их политическими предпочтениями: «филологам» претили западные теории, которые все были «левыми», что обрекало их на последовательный методологический обскурантизм, который был возведен в добродетель. «Советологи», более открытые политически и методологически, незашоренные эстетскими предрассудками предшественников и рассуждениями о «высокой литературе», испытывали интерес к происходящему в советской культуре за пределами цензуры. В силу консерватизма академических структур еще двадцать лет назад первые занимали абсолютное доминирующее положение на кафедрах славистики и составляли славистический истеблишмент. Русистика вплоть до 1980-х годов застыла в материале и методологии вековой давности. Все это начало меняться в 1990-е.

Во-вторых, причины внимания к сталинскому времени были культурно-исторические. Здесь актуальный интерес оказывается двояким. С одной стороны, стало ясно, что советская эпоха закончилась (а ее настоящим нервным центром был, конечно, сталинизм) и пришло время историков; с другой — стало очевидным, что советская эпоха не завершилась и постсоветское общество — от массовых ожиданий и ментальности до предпочтений, комплексов и фобий политических и культурных элит — это практически то же советское общество, и потому, чтобы понять постсоветскую современность, нужно пристально всматриваться в ее советские корни.

В-третьих, внимание к сталинской эпохе способствовали внутридисциплинарные причины. В русистике произошел глубокий сдвиг (не очередной поворот, но именно сдвиг): социальная и культурная история практически полностью вытеснила политическую историю, любимицу эпохи холодной войны. Пересмотр универсальной тоталитарной модели в анализе советского прошлого очень многое изменил в западной историографии Советской России [David-Fox 2015; Fitzpatrick 1999; Beyond Totalitarianism 2008]. Доминирование политической истории весьма способствовало развитию «филологизма» в русистике: социальная и культурная сферы были отрезаны от политики, и исследователи могли позволить себе аполитизм. Культурная история, напротив, потребовала не только поворота предмета к политике, но и междисциплинарности, без которой сегодня не выживет ни одна дисциплина. Вначале этот сдвиг произошел в российской историографии благодаря приходу поколения историков-ревизионистов на рубеже 1980-х годов и отступлению политической истории перед культурной. Параллельно с этим традиционные «гумани-

тарные» дисциплины (искусствоведение, литературоведение, киноведение и другие) начали сдвигаться в область *cultural studies* (наиболее прагматичное объяснение этому — необходимость выживания в эпоху изменившегося статуса русистики на западном интеллектуальном и академическом рынке). Сама же культурная теория (*cultural theory*), по крайней мере на протяжении последних двух десятилетий, дрейфовала как раз в противоположном направлении — к политическому полю (*political theory*) (интерес к политическому воображаемому). Такие междисциплинарные подходы позволили по-новому понять большие темы сталинской культуры, например культуру повседневности [Куляпин, Скубач 2013; Посадская 2013; Balina, Dobrenko 2009; Woym 1995; Gronow 2003; Kucher 2007; Piretto 2001], историческую мифологию [Brandenberger, Platt 2006; Neuberger 2019; Platt 2011; Perrie 2001] и пространственные измерения сталинизма [Dobrenko, Naiman 2002; Schlögel 2008].

Резкий (и к тому же межпоколенческий) переход от заикленности на узко определяемом политическом поле традиционной советологии к области культурной репрезентации не был безболезненным. Историки оказались в новой «эпохе великих открытий» — они вдруг открыли для себя сферу культуры — литературу, фильм, искусство, область культурного производства и функционирования культурных институций. С другой стороны, если для русистов прежде считалось неприличным отвлекаться от «филологии» на политику и мараить науку о дрянную идеологию, то теперь литературоведы, киноведы, искусствоведы открыли для себя область политического не как чуждую сферу идеологических клише, но как сферу, располагающую тонким аналитическим инструментарием.

Уже к началу 2000-х исследования культуры сталинизма формировались в условиях междисциплинарности. Причем целый поток работ очень высокого уровня и масштабных исследовательских проектов создавался специалистами всех дисциплин — историками, литературоведами, киноведами, искусствоведами — как старшего поколения (книги Виктории Боннель о советском политическом плакате [Bonnell 1999], Ханса Гюнтера — о советском героическом мифе [The Culture of the Stalin Period 1990; Günther 1993], Джеффри Брукса — о сталинской публичной культуре [Brooks 2001], Катерины Кларк — о Петербурге и Москве как культурных столицах Советской России [Clark 1995; 2011], Томаса Лахусена — о том, как создавался образцовый советский литературный текст [Lahusen 2002], Бернис Розенталь — о ницшеанском следе в советской культуре [Nietzsche and Soviet Culture... 1995; Rosenthal 2002], Ричарда Стайтса — о советской массовой культуре [Stites 1992; 1995], Нины Тумаркин — о мифах вождя и Победы [Tumarkin 1983; 1995] и другие), так и среднего и молодого поколения (книги Светланы Бойм о советском китче [Woym 1995], Дэвида Бранденбергера — о массовой культуре и национал-большевизме [Brandenberger 2002], Майкла Дэвида-Фокса — о культурной дипломатии 1930-х [David-Fox 2012], Катрионы Келли — о советском детстве [Kelly 2008], Стивена Коткина — сталинской цивилизации [Kotkin 1997], Юрия Слезкина — об истоках сталинской политической культуры [Slezkine 2017], Игала Халфина и Йохена Хеллбека — о сталинском субъекте [Halfin 2003; 2009; Hellbeck 2009], Дэвида Хоффманна — о формировании массовой культуры и ценностей в сталинизме [Hoffmann 2011; 2003], Карэн Петроне — о праздничной культуре сталинизма [Petrone 2000], Синтии Рудер — о мифологии Беломоро-Балтийского и Волго-Донского каналов [Ruder 1998; 2018] и многие другие). Картина этой междис-

циплинарной идиллии не должна вводить в заблуждение: ученые принесли из своих дисциплин не только определенные навыки, знания и опыт, но и предрассудки и комплексы. Кроме того, то, что полезно (и даже необходимо) в одной дисциплине, оказывается иногда нефункциональным (а то и вредным) в другой. Навыки и опыт историка часто означают отсутствие навыков и опыта, например, филолога (скажем, в чтении и интерпретации текстов), и, наоборот, умение работать с текстом вовсе не обязательно гарантирует умение работать с архивом или способность к широким историческим обобщениям). То же относится и к знаниям, которые всегда оборачиваются определенной степенью незнания в соседней дисциплине.

Сегодня доминировавшие тридцать лет назад в области исследований культуры XIX век, Серебряный век и революционный авангард оказались далеко позади сталинизма, который вышел на передний план. Причем наиболее продуктивной оказалась интердисциплинарная по определению область политической репрезентации. Здесь встречаются работы историков культуры, философов и политологов, специалистов в конкретных областях литературы, искусства и медиа. Эта область исследований была понята как область исследований механизмов перевода с языка политического на язык культурный (и наоборот), с языка медиального на языки искусства и политики. Это многое изменило в исследовании сталинской эпохи. Прежде всего, открылись сюжеты, которые в эпоху дисциплинарного изоляционизма просто не могли появиться. Советология пребывала в методологическом вакууме, она находилась в стороне от современной политической и культурной теории, в результате обширные пласты материала ранее либо игнорировались, либо рассматривались односторонне. Открытие новых областей культурной и политической теории для широкого круга историков и гуманитариев, самая возможность работы над междисциплинарными культурно-историческим проектами если не свели на нет, то заметно смикшировали политическую ангажированность, которая всегда была присуща советологии.

После распада Советского Союза многие предвещали ее конец. На самом же деле на Западе (в отличие от России) произошло неожиданное ее возрождение, но в совершенно ином статусе. Освобождение от политической ноши «кремлелогии» и статуса «политико-идеологической дисциплины» эпохи холодной войны, который подпитывал (прежде всего финансово) *Soviet studies*, вдохнуло в предмет новую жизнь, а поле политической репрезентации оказалась куда более плодотворным, открытым к другим областям. Русистам вдруг стало интересно то, что делают историки Франции (чего раньше не замечалось), поскольку методологический поиск пошел в близком направлении, а историки Германии заинтересовались работами коллег-русистов.

Я бы хотел обозначить основные факторы, оказавшие влияние на формирование исследований сталинской культуры в течение последних тридцати лет.

Во-первых, помимо упомянутой смены поколений, я обратил бы внимание на смену исторической перспективы. Со второй половины 1980-х годов в науку начало входить поколение, которое со всей вероятностью воспроизвело бы поколение предыдущее, если бы происходившие в Советском Союзе события самым радикальным образом не изменили бы перспективу. Стало ясно, что разворачивавшиеся там события — после десятилетий безвременья — были настоящей историей в действии. Соответственно, возник интерес к *реальному* историко-политическому и социально-культурному процессу и его предпосыл-

кам, к чему Серебряный век имел мало отношения, будучи всецело продуктом ситуации, окончательно провалившейся в прошлое. Замечу, что в России процесс пошел в прямо противоположном направлении. Поэтому эти исследования в том виде, в котором они сложились в предыдущую эпоху, потеряв историческую релевантность, стали все больше замыкаться в архивный эмпиризм и уходить в глухую текстологию; усиление методологического изоляционизма и обращение к заведомо маргинальному материалу стали свидетельством упадка этой области исследований, которая продолжает существовать на Западе за счет двух факторов: сохранившегося с 1980-х годов, хотя и неотвратно убывающего, институционального влияния сторонников этого направления, и авторитета этих исследований собственно в России. Этот авторитет, в свою очередь, основан на влиянии все тех же западных исследователей и методологической девственности российских исследований, что вполне отвечало ситуации методологического кризиса, в котором оказалось литературоведение в России после коллапса СССР. Попытки скрещения материала начала XX века с модными методологическими парадигмами (типа гендерных исследований) способны, вероятно, поддерживать интерес к теме, но не способны более восстановить ее статус.

Во-вторых, с концом СССР стало ясно, что советский проект отнюдь не был классовым, но был типичным национальным модернизационным проектом, лишь завернутым в марксистскую риторику. Более того, именно этот аспект создания новых наций стал определяющим в Восточной Европе, включая постсоветское пространство. Это полностью сместило фокус с прежнего идеологического объяснения к более традиционному национальному, в результате чего статус «русской революции» и «авангардного искусства» с их левизной сильно снизился. Только в идеологической проекции холодной войны русская революция была центральным событием XX века. В национальной перспективе центральной точкой становился сталинизм. Стало понятно, что революция 1917 года оказалась лишь толчком, тогда как фундаментальные основы советской нации являлись продуктом именно сталинизма, в котором был создан и укоренен экономический, политический, идеологический и культурный фундамент советского режима, просуществовавшего в созданных Сталиным рамках еще почти четыре десятилетия после его смерти. Пришло также и понимание того, что постсоветская идентичность опирается на прежние советские традиции, корни которых не столько в революции, сколько в сталинизме, чему последние события стали ярким подтверждением.

В-третьих, важно упомянуть о смене академической экономики. Распад Советского Союза привел к глубокому кризису советологии, которая оказалась неспособной предвидеть произошедшее и, поскольку советология во многом определяла состояние русистики в целом, к глубокому кризису последней. Но самым драматическим был эффект, произведенный изменением статуса постсоветской России в мире и, как следствие, прекращением финансирования этой области исследований. В 1990-е годы, после кратковременного перестроечного бума, резко упали наборы студентов, началось повальное закрытие славистических кафедр в западных университетах. Нет нужды приводить цифры этого драматического спада — низкое количество студентов и высокое количество закрытых русских кафедр и программ. Привлекательность дисциплины стала вопросом выживания. С подобным вызовом западная русистика не сталкивалась с момента своего возникновения. Дисциплина встретила этот вызов в полной неготовности: высоколобый академизм, оторванность от актуально-

го исторического процесса, неспособность сделать материал релевантным и интересным для сегодняшнего потребителя (будь то студенты или коллеги-нерусисты), архивный эмпиризм и глухая текстология; методологический изоляционизм, агрессивный антитеоретизм и обращение к заведомо маргинальному материалу и т.д.

Все это потребовало привлечения новых людей, открытости к новым подходам, темам и материалу. Следует помнить, что русистика — в отличие от романистики или германистики — не была рыночной. Ее экономическая выживаемость на протяжении десятилетий поддерживалась бюджетными вливаниями. Это сформировало целые поколения исследователей, которым не надо было заботиться о том, чтобы то, чем они занимались, можно было «продавать» студентам или издателям. Приходилось «с колес» адаптировать успешные программы коллег-компаративистов и привлекать их для совместных проектов, с тем чтобы сделать русские программы более привлекательными. Но с последними у русистов не было общего языка: десятилетия методологического обскурантизма и новый эмпиризм, шедший против теоретического мейнстрима, давали себя знать. Все это самым печальным образом сказалось на тех дисциплинах, **который** определяли облик русистики: начался интенсивный отток исследователей из областей, посвященных XIX веку, породив парадоксальную ситуацию, в которой сегодня возник дефицит специалистов, способных преподавать Достоевского и Толстого, недостаток специалистов по поэзии; исследования Серебряного века начали таять на глазах. Зато сталинская эпоха и смежные с литературой дисциплины (киноведение, медиа, визуальные искусства) начали интенсивно развиваться. Достаточно указать на появление целого ряда первоклассных музыковедческих работ, в центре которых как раз сталинская эпоха [Власова 2012; Воробьев 2013; Максименков 1997; Минералов 1995; Музыка вместо сумбура 2013; Paqu 2014; Soviet Music and Society 2004; Tomoff 2006; 2015; Fairclough 2016; Frolova-Walker 2016], или работ по истории архитектуры [Косенкова 2009; Хмельницкий 2007а; 2007б; DeNaan 2016; Hatherley 2015; Hudson 2015; Zubovich 2020], а также работ (их особенно много) по истории советской живописи [Bonnell 1999; Bowen 1998; Golomstock 1990; O'Mahoni 2006; Piretto 2009; Plamper 2012; Rusnock 2010; Морозов 2007; Сальникова 2014; Чегодаева 2003; Янковская 2007].

В-четвертых, изучение сталинской культуры было обусловлено уже отмеченными методологическими сдвигами и отзывчивостью к ним. Новое поколение русистов оказалось более открытым к другим литературам и культурам. Их формирование проходило под влиянием компаративистики, что, в свою очередь, питало интерес к методологическим новациям, к теории, к интердисциплинарности, к смежным областям. В качестве примера достаточно привести взрывной рост работ по истории советского кино. До 1990-х годов на Западе набрался бы едва ли десяток киноведческих книг, посвященных российско-советским сюжетам. Сегодня их число исчисляется сотнями. Киноведение как на Западе, так и в России в значительной степени питалось исследованиями в области сталинской культуры [Дашкова 2013; Добренко 2008; Кремлевский кинотеатр 2005; Belodubrovskaya 2020; Kaganovsky 2008; Kenez 1992; Spring, Taylor 1993; Widdis 2003]. Отсюда — интердисциплинарность и конец литературоцентризма.

В-пятых, на исследовательское поле повлияла демократизация. Расширение материала шло под влиянием самого предмета исследований: в сталиниз-

ме мы имеем дело с массовой культурой и массовым вкусом. Cultural studies, которые начиная с 1990-х годов все больше вытесняли традиционное литературоведение, нашли в советской культуре адекватный материал. Рост тематического диапазона исследований связан с самим статусом предмета и расширением содержания понятия «культура», которое в XX веке было беспрецедентно политически инструментализировано. Революционная культура любого типа — фашистская, нацистская или коммунистическая — по определению есть культура преодоления изоляции дореволюционного периода. Производя новых субъектов, новых граждан, массовые общества, современная революционная культура расширяет и втягивает в себя все новые и новые реальности. В этом контексте понятие «культура» обретает набор значений, проходящих полный спектр превращений — от сопротивления к автономности и от нее к инструментализации. Фундаментально отличным от предыдущих веков и либерально-демократических режимов образом культура *чрезвычайно важна* для диктаторских режимов и основанных на насилии национальных государств. Она важна потому, что является универсальным орудием политической власти: как необходимый объект централизованного планирования и координации; как способ дотянуться, кооптировать или противопоставить политических субъектов; как домен, который не может быть оставлен в руках традиционных патронов, поскольку культура является единственным способом производства властью собственного образа и легитимации. Культура рассматривается как домен, который должен быть поставлен под контроль и наблюдение государства. Поэтому культура современных диктатур, включая сталинскую, перемещается за пределы своего традиционного пребывания при дворах, в салонах, галереях, театрах. Она выходит на площади, в библиотеки и школы, в государственные институции, на спортивные арены, на телевидение — излюбленные пространства массовых обществ, где развитая печатная культура все больше взаимодействует с визуальным образом, голосом и коммуникационными технологиями. Все это делает изучение сталинской культуры чрезвычайно актуальным в современной России, где практики власти вырастают из сталинизма.

В-шестых, изучение сталинизма было бы невозможно без открытия архивов. Произшедшая после крушения СССР архивная революция не только изменила наши представления о сталинской эпохе и позволила определить новые подходы к ней (о чем ниже), но сыграла с историографией злую шутку: открыв долгожданные архивы, она ослепила многих историков возможностью легкого воссоздания «реального» развития тех или иных исторических сюжетов, восстановления «точной» картины прошлого, реконструкции облика действующих лиц и мотивов их действий и т.д. Все это, несомненно, обогатило наши представления о советской истории, но концептуально и методологически затормозило развитие дисциплины: эпоха высокой нефтедобычи не способствует, как известно, инновациям.

В-седьмых, распад прежних объясняющих матриц потребовал новых объяснений и реконцептуализации объекта исследования. Когда в 1995 году на обоих побережьях США вышли две книги — Стивена Коткина о Магнитогорске [Kotkin 1997] и антология советских дневников эпохи Большого террора, которая стала результатом пионерской работы гефтеровской группы историков в Советском Союзе и позже в России, но впервые увидела свет по-английски [Intimacy and Terror... 1995] Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's / Ed. by V. Garros, T. Lahusen, N. Korenevskaya. New York: New Press, 1995.1995], —

мало кто осознал, что они ознаменовали окончательное изменение направления исследований в области истории сталинизма. На протяжении десятилетий в ней безраздельно царила советология. Именно на материале этой истории советология сформировалась, в нем обрела свой голос, через него сложился дискурс и система аргументации, которые не просто вписывались в политическую повестку дня эпохи холодной войны, но стали ее частью. Когда в 1980-е годы безраздельному владычеству советологии бросили вызов историки-ревизионисты, обозначив сдвиг от политической «истории сверху» — к социальной «истории снизу», на смену устоявшимся политическим и идеологическим советологическим аксиомам пришли куда более сложные ревизионистские теоремы (далеко не все из которых, впрочем, были впоследствии доказаны).

Сегодня, однако, прошли времена ожесточенных «идеологических битв» на «историческом фронте», когда советологи называли ревизионистов едва ли не сталинистами, а те, в свою очередь, обвиняли советологов чуть ли не в маккартизме. Сегодня ясно, что оба направления создали свою классику, где свое место заняли представители обоих направлений — Роберт Конквест и Моше Левин, Ричард Пайпс и Шейла Фицпатрик. Сегодня уже вряд ли кто-то сомневается в том, что ни одно из этих направлений не самодостаточно. Именно их взаимодополняемость позволяет понять сталинизм глубже и полнее. Но это идеологическое противостояние не было только поколенческим. Напротив, подобно тому, как в пору расцвета тоталитарной школы пионерские работы патриарха ревизионизма Моше Левина, принадлежавшего к поколению Пайпса и Конквеста, вдохновляли представителей молодого поколения историков, эволюция Шейлы Фицпатрик сделала ее активным участником того методологического сдвига, свидетелями которого мы являемся.

За сменой научных школ стоит не только смена методологии, но и смена оптики, которая фактически и конструирует объект. Сталинизм не есть нечто постоянно «данное нам в ощущении», но результат понятийного, дискурсивного, идеологического конструирования, которым занимается наука. Разные школы не просто по-разному подходят к исторической реальности. Говоря «об одном и том же», они нередко имеют в виду различную реальность и отчасти ее конструируют.

Осознание последнего обстоятельства кажется мне основанием того сдвига, который и произошел в связи с выходом указанных двух книг. Коткин впервые подошел к сталинизму не просто как к феномену политической и социальной истории, но как к «цивилизации», обратив внимание на те аспекты советской повседневности, которые в то время нередко проходили мимо внимания социальных историков. Так, его рассмотрение «большевистского языка» позволило не только концептуализировать и по-новому осветить этот материал повседневности, но и определенным образом позиционировать его в отношении к политической и социальной истории, открыв измерение, ранее неизвестное историкам сталинизма (см.: [Богданов 2014; Вайскопф 2000; Гройс 2007; Купина 1995; Сандомирская 2013; Gorham 2003]).

Вышедшие в том же году дневники советских людей разных поколений, происхождения и опыта, представлявших различные слои населения эпохи Большого террора, напротив, были подчеркнута лишены какой бы то ни было концептуальной рамки. Но и без нее стало ясно, что как советологическая схема, согласно которой люди умирали от страха, а не ходили в кино, жени-

лись, рожали детей, были молоды и счастливы даже в 1937 году, так и ревизионистская социальная история, часто основанная на социологических выкладках, показывающих «среднюю температуру по больнице», упускали нечто принципиально важное. И это важное было, наконец, названо: советский субъект. Субъект, выражающий себя посредством письма, реализующий себя в тексте — это уже предмет не столько политической и социальной истории, сколько дискурсивного анализа и культурной истории. Имеется в виду при этом широкое понимание культуры. Не случайно поэтому представителей так называемой школы советской субъективности относят к культурным историкам, хотя они имеют дело с материалом типичным для социальной истории. Тому есть несколько причин.

Первая — это введение новой информации: открывшиеся архивы не только расширили представления о происходивших в сталинском обществе процессах, что сыграло ключевую роль в происшедшей в 1980—1990-е годы ревизии советологической модели. Расширение источниковой базы заставило задуматься о жанровой природе вводимых материалов, в особенности тех из них (как, например, дневники), что вообще ранее не были предметом интереса историков [Paregno 2011].

Вторым важным фактором стал пристальный и плодотворный интерес к методологии смежных наук (например, к антропологии, социологии или археологии знания). Если в работах историков-ревизионистов первого призыва он во многом способствовал реконцептуализации подходов, выработанных тоталитарной школой, то новое поколение историков не только прямо апеллирует к современным культурным теориям, но делает опору на методологию смежных гуманитарных наук программной.

Третьим фактором является осознание методологических и дисциплинарных границ истории, когда историки стали рефлексировать по поводу таких факторов, как исторический нарратив (несомненно, ключевым стал здесь лингвистический сдвиг). Для нового поколения историков опыт нового историцизма стал определяющим, а интерес к форме высказывания — критически важным. Пришло понимание того, что содержание, сообщаемое источником, отнюдь не безразлично к форме, в которой оно дается. Требуется не просто поправка на форму, но полноценный анализ и учет ее специфики.

Четвертый фактор связан с культурой и идеологией, которые стали мыслиться как некая среда, в которой протекают те или иные исторические события, и которая в значительной мере их определяет. На смену плоско институционально понятой культурной истории как некоей цепи событий в области культурной и интеллектуальной жизни пришел полноценный интерес к синтезу исторических поддисциплин, осознание того, что ни политическая, ни социальная история не могут быть полноценно рассмотренными вне культурной и интеллектуальной истории.

Наконец, пятая причина — это пересмотр устоявшихся каузальных исторических связей. Когда из одной теоретической предпосылки следовали в логической последовательности все остальные, а материал должен был подтверждать «историческую логику». Успех виделся в том, чтобы заставить материал работать на общую модель, чему идеально способствовала тоталитарная конструкция, основанная на «истории сверху». Ревизионизм, напротив, усложнил картину, показав встречные интенции, взаимодействие и трансформацию исходящих снизу и сверху практик. Новое поколение историков сталинизма

окончательно фрагментировало картину, введя в нее понятие сталинского субъекта и приблизившись к тексту на максимально короткое расстояние.

Если на Западе, начиная с 1990-х годов сталинская культура, выйдя из сферы традиционной советологии, где она пребывала в течение многих десятилетий, превратилась в один из доминирующих объектов исследования в истории XX века, далеко обошедшей ушедший на задний план Серебряный век и революционный авангард, которые почти монополично доминировали в русистике ранее, то в России ситуация развивалась совершенно иначе.

Выученная в советское время привычка уходить от актуальности, от всего, что за версту отдает политическим ангажементом, превратилась в устойчивую модель поведения и сослужила плохую службу. В России в это время появилось несколько интересных работ о сталинском искусстве и архитектуре, кое-что о сталинском кино и практически ничего о сталинской литературе. Из сделанного в России мне представляется наиболее ценным прежде всего то, что связано с публикацией документов. В особенности — по истории советской цензуры [Власть и художественная интеллигенция 1999; Счастье литературы 1997; Исключить всякие упоминания 1995; Дружинин 2012; История советской политической цензуры 1997; Большая цензура 2005; Между молотом и наковальней 2011; Мы предчувствовали полыханье 2015; Сталинские премии 2007; Цензура в Советском Союзе 2004]. Упомяну в этой связи основанные на архивах работы Дениса Бабиченко [Бабиченко 1994], Арлена Блюма [Блюм 1994; 2000], Геннадия Костырченко [Костырченко 2005; 2009], Натальи Громовой [Громова 2009]. Из концептуальных работ — это прежде всего книги Михаила Рыклина [Рыклин 1992; 2002] и Михаила Алленова [Алленов 2003], из работ по конкретным аспектам сталинской культуры — уже указанные выше книги Константина Богданова, Леонида Максименкова, Александра Морозова, Натальи Купиной, Марии Чегодаевой, Евгения Громова, Дмитрия Хмельницкого.

Если интерес к соцреализму на Западе все больше сдвигается в область историко-компаративных исследований [Добренко 2007; Aucouturier 1998; Socialist Realism... 2018; Gutkin 1999; Socialist Realism... 1997; Robin 1986], то в России с печальной регулярностью выходят апологетические книги о соцреализме иногда вполне анекдотического характера [Борев 2008; Булавка 2007; Куренная 1995; 2004; Чайковская 2019]. Это и неудивительно: чего можно было ожидать, когда тридцать лет назад большинство литературоведов ринулись в Серебряный век и эмигрантскую литературу и когда даже ведущие исследователи литературы советской эпохи гордились тем, что никогда не упоминали соцреализм, отказывались употреблять понятие «советская литература» в своих работах, называя ее «литературой советского прошлого», и стыдились того, что в западных библиотеках сохранились книги сталинской эпохи. К сожалению, аргумент о том, что этот предмет недостойн филологии, действовал (и до сих пор нередко действует) безотказно. В этой связи вспоминается цитата, которую любил приводить Михаил Гаспаров, рассказывая об английском филологе-классике А.Э. Хауэмене. Он — сам очень талантливый поэт — говорил: «Если для вас Эсхил дороже Манилия — вы не настоящий филолог. Не смущайтесь, — добавлял Гаспаров, Манилий — это такой поэт, которого и меж специалистов читал один из сотни»¹. Требование восстановить

1 http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/ml_gasparov.html. Впервые опубликовано в: Alma Mater (Тарту). Апрель 1990. № 2.

«реальную полноту» историко-литературного процесса, понимаемое как восстановление картины большой Литературы, история «хороших» авторов и книг при полном игнорировании «плохой» литературы «советского прошлого» обернулось созданием новой мифологии. Нежелание заниматься сталинской культурой одних (главным образом литературоведов) и неумение других (главным образом историков, не умевших работать с текстами) привели к ситуации, которую я описал бы вслед за классиком так: филологи не хотят, историки не могут.

Мне представляется, что отношение к сталинской культуре, которое сложилось в советской интеллигентской среде и не преодолено по сей день, состоит в неразличении двух наций, которые параллельно сложились в России в результате Петровских реформ — европейские русские и собственно русские. Та великая Литература, жрецами которой себя почитает российская интеллигентская публика, является продуктом первой. Но те люди и порожденная ими культура погибли в XX веке. Остались только сполохи той эпохи. На авансцену вышли совсем другие русские. Отцом этой нации был Сталин — их зеркало, их создатель и сам их продукт. Сталинизм создал совершенно аутентичную культуру; просто это культура *иной* нации — не низкой и не высокой — но другой, лишь этнически схожей с европейской русской культурой. Те, кто требовали и требуют не приближаться к соцреализму, идентифицируют себя с ушедшей с исторической арены нацией, по недоразумению думая, что она одна, и не подозревая, что соцреализм — это не низкая культура. Это высокая культура азиатских русских. И хотя между этими двумя нациями лежит пропасть, тяга друг к другу была с обеих сторон. За протекшее столетие европеизация перекинулась на неохваченные Петровскими реформами 95 процентов населения страны, но процесс этот отнюдь не закончен. Но и думать, что азиатскую Россию можно игнорировать, — большое заблуждение.

Подводя итоги тридцатилетнего развития исследований советской культуры, замечу: современная западная, да и российская историография, посвященная советской (и прежде всего сталинской) эпохе, не радует ни глубиной обобщающих идей, ни богатством синтеза, ни теоретической широтой, ни методологическим разнообразием. При наличии ряда добротных и нескольких первоклассных и ярких работ в массе своей она страдает позитивизмом и неспособностью выйти за пределы узкой русско-советской специфики, и чаще всего кроме пересказа событий и систематизации тех или иных фактов авторам большинства этих работ не о чем поведать читателю.

Разумеется, в постсоветологической историографии имеется немало исследователей, в основном среднего поколения, интерес которых к обобщающим концепциям позволил создать работы, резко выделяющиеся на общем фоне. Но будем честны: по гамбургскому счёту, даже лучшие работы редко выходят за дисциплинарные границы русистики и традиционной позитивистской истории. Факт остается фактом: в постсоветологической историографии трудно назвать хотя бы пять книг, подобных блестящим и, увы, не изданным в России работам о нацизме последних десятилетий немца Клауса Тевеляйта [Theweleit 1977—1978], англичанина Яна Кершоу [Kershaw 2001] или француза Эрика Мишо [Michaud 1996]. Список можно продолжить, дополнив его именами историков итальянского фашизма, таких как Джеффри Шнапп, Джеймс Мэнган, Барбара Спэкман [Mangan 1999; Spackman 1996; Schnapp 1996]. Объясняется это исторически: исследования культуры нацизма и фашизма как

дисциплины развивались в свободном интеллектуальном соревновании, в открытом диалоге различных методологических направлений, в реальной борьбе за студентов и читателей, тогда как советология, имея особые происхождение, статус и финансовую и институциональную поддержку, существовала нередко не только в архивном, но интеллектуальном и методологическом вакууме, следуя почти исключительно актуальной политической повестке. Более высокий уровень работ по истории нацизма или итальянского фашизма в сравнении с работами по истории сталинизма объясняется не только их многолетней институциональной свободой, но и дисциплинарной открытостью. Благодаря этой открытости в историографии нацизма могли появиться, например, психоаналитические книги Клауса Тевеляйта, а в советологии — как пародия на психоанализ — жалкие штудии Ирины Жеребкиной [Жеребкина 2006] или Даниеля Ранкур-Лаферриера [Rancour-Laferriere 1988].

Так или иначе, рождение этого научного поля в России состоялось, хотя оно все еще очень слабо оформлено, дисциплинарно изолировано и излишне идеологизировано, лишено традиции и апробированного категориального аппарата, а социальный запрос на эти исследования все еще очень слаб, так же как и их институциональная поддержка. В одном из своих последних интервью Майя Туровская говорила о том, как трудно было победить фашизм в Германии после войны и о том, что «в Германии изучалось и продолжает изучаться ее собственное прошлое. О нем пишут, снимают фильмы в огромном количестве. У нас тоже много всего сделано о фашизме. Но только — о немецком. О нашем, русском фашизме тоже стали выходить книги, но надо, чтобы их читали». И только «с этого начиналась новая для страны, для народа эпоха» [Туровская 2007]. Без этой работы, которая только начата в России, развитие страны невозможно. Сегодня особенно ясно, что сталинизм, будучи продуктом всей российской политической культуры, является генетической болезнью постсоветского общества. Проект постсоветского национального и культурного строительства без лечения или хотя бы без диагностирования этой болезни обречен на провал. Здесь лежат причины того, что общество оказалось очевидным образом готовым к происшедшему срыву в репрессивно-имперское прошлое и столь падким на соблазны исторического реванша. Если есть актуальный исторический сюжет для современной России, то это сталинизм.

Библиография / References

- [Алленов 2003] — Алленов М. Тексты о текстах. М.: Новое литературное обозрение, 2003. (Allenov M. Teksty o tekstakh. Moscow, 2003.)
- [Бабиченко 1994] — Бабиченко Д. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. (Babichenko D. Pisateli i tsenzory: Sovetskaya literatura 1940-kh gg. pod politicheskim kontrolom TsK. Moscow, 1994.)
- [Блюм 1994] — Блюм А. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917—1929. СПб.: Академический проект, 1994. (Bljum A. Za kulisami "ministerstva pravdy": Tajnaya istoriya sovetskoy tsenzury, 1917—1929. Saint Petersburg, 1994.)
- [Блюм 2000] — Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929—1953. СПб.: Академический проект, 2000.

- (Bljum A. Sovetskaya tsenzura v epokhu total'nogo terrora, 1929—1953. Saint Petersburg, 2000.)
- [Богданов 2014] — *Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2014.*
- (Bogdanov K. Vox populi: Fol'klornye zhanry sovet'skoy kul'tury. Moscow, 2014.)
- [Большая цензура 2005] — Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917—1956 / Сост. Л. Максименков. М.: Материк; Демократия, 2005.
- (Bol'shaya tsenzura: pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov, 1917—1956 / Comp. by L. Maksimenkov. Moscow, 2005.)
- [Борев 2008] — *Борев Ю. Социалистический реализм. Взгляд современника и современный взгляд. М.: АСТ, 2008.*
- (Borev Ju. Sotsialisticheskiy realizm. Vzgl'yad sovremennika i sovremennyy vzglyad. Moscow, 2008.)
- [Булавка 2007] — *Булавка Л. Социалистический реализм. Превратности метода. Философский дискурс. М.: Культурная революция, 2007.*
- (Bulavka L. Sotsialisticheskiy realizm. Prevratnosti metoda. Filosofskiy diskurs. Moscow, 2007.)
- [Вайскопф 2000] — *Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2000.*
- (Vajskopf M. Pisatel' Stalin. Moscow, 2000.)
- [Власова 2012] — *Власова Е. 1948 год в советской музыке. М.: Классика XXI, 2010.*
- (Vlasova E. 1948 god v sovet'skoy muzyke. Moscow, 2010.)
- [Власть и художественная интеллигенция 1999] — Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Демократия, 1999.
- (Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoy politike. 1917—1953 / Comp. by A. Artizov, O. Naumov. Moscow, 1999.)
- [Вопросы литературы 1992] — Вопросы литературы. 1992. № 1. Тоталитаризм и культура.
- (Voprosy literatury. 1992. № 1. Totalitarizm i kul'tura. S. 4—26.)
- [Воробьев 2013] — *Воробьев И. Соцреалистический «большой стиль» в советской музыке (1930—1950-е годы). СПб.: Композитор, 2013.*
- (Vorob'ev I. Sotsrealisticheskiy "bol'shoj stil'" v sovet'skoy muzyke (1930—1950-e gody). Saint Petersburg, 2013.)
- [Гройс 2003] — *Гройс Б. Искусство утопии. М.: Художественный журнал; Знак, 2003.*
- (Groys V. Iskusstvo utopii. Moscow, 2003.)
- [Гройс 2007] — *Гройс Б. Коммунистический постскриптум. М.: Ad Marginem, 2007.*
- (Groys V. Kommunisticheskiy postskriptum. Moscow, 2007.)
- [Громова 2009] — *Громова Н. Распад: Судьба советского критика: 40—50-е годы. М.: Эллис Лак, 2009.*
- (Gromova N. Raspad: Sud'ba sovet'skogo kritika: 40—50-e gody. Moscow, 2009.)
- [Гюнтер, Добренко 2000] — Соцреалистический канон / Ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000.
- (Sotsrealisticheskiy kanon / Ed. by H. Gjunter, E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000.)
- [Дашкова 2013] — *Дашкова Т. Телесность — Идеология — Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность. М.: Новое литературное обозрение, 2013.*
- (Dashkova T. Telesnost' — Ideologiya — Kinematograf. Vizual'nyy kanon i sovet'skaya povsednevnost'. Moscow, 2013.)
- [Добренко 1992] — *Добренко Е. «Правда жизни» как формула реальности // Вопросы литературы. 1992. № 1. Тоталитаризм и культура. С. 4—26.*
- (Dobrenko E. "Pravda zhizni" kak formula real'nosti // Voprosy literatury. 1992. № 1. Totalitarizm i kul'tura. S. 4—26.)
- [Добренко 2007] — *Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.*
- (Dobrenko E. Politekonomia sotsrealizma. Moscow, 2007.)
- [Добренко 2008] — *Добренко Е. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008.*
- (Dobrenko E. Muzey revolyutsii. Sovetskoe kino i stalinskiy istoricheskiy narrativ. Moscow, 2008.)
- [Дружинин 2012] — *Дружинин П. Идеология и филология: Документальное исследование. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.*
- (Druzhinin P. Ideologiya i filologiya: Dokumental'noe issledovanie. In 2 vols. Moscow, 2012.)
- [Жеребкина 2006] — *Жеребкина И. Феминистская интервенция в сталинизме, или Сталина не существует. М.: Алетейя, 2006.*
- (Zherebkina I. Feministskaya interventsia v stalinizme, ili Stalina ne sushchestvuet. Moscow, 2006.)
- [Избавление от миражей 1990] — *Избавление от миражей: Соцреализм сегодня:*

- Сб. ст. / Сост. Е.А. Добренко. М.: Сов. писатель, 1990.
- [zbavlenie ot mirazhej: Socrealizm segodnja: Sb. st. / Comp. by E.A. Dobrenko. Moscow, 1990.)
- [Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры / Сост. Т. Горяева. М.; Минск: Время и место; Старый Свет-Принт, 1995.
- [Isklyuchit' vsyakiye upominaniya...: Ocherki istorii sovetskoj tsenzury / Comp. by T. Gorjaeva. Moscow; Minsk, 1995.)
- [История советской политической цензуры 1997] — История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997.
- [Istoriya sovetskoj politicheskoj tsenzury: Dokumenty i kommentarii / Comp. by T. Gorjaeva. Moscow, 1997.)
- [Косенкова 2009] — *Косенкова Ю.* Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М.: Либроком, 2009.
- [Kosenkova Ju. Sovetskiy gorod 1940-kh — pervoy poloviny 1950-kh godov: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva. Moscow, 2009.)
- [Костырченко 2005] — Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938—1953 / Сост. Г. Костырченко. М.: Материк, 2005.
- [Gosudarstvenny antisemitizm v SSSR: Ot nachala do kul'minatsii, 1938—1953 / Comp. by G. Kostyrchenko. Moscow, 2005.)
- [Костырченко 2009] — *Костырченко Г.* Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009.
- [Kostyrchenko G. Stalin protiv "kosmopolitov": Vlast' i evreyskaya intelligentsiya v SSSR. Moscow, 2009.)
- [Кремлевский кинотеатр 2005] — Кремлевский кинотеатр: 1928—1953: Документы / Сост. К.М. Андерсон, Л.В. Максименков. М.: РОССПЭН, 2005.
- [Kremlevskiy kinoteatr: 1928—1953: Dokumenty. Moscow, 2005.)
- [Куляпин, Скубач 2013] — *Куляпин А., Скубач О.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- [Kuljapin A., Skubach O. Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoy epokhi. Moscow, 2013.)
- [Купина 1995] — *Купина Н.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
- [Kupina N. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. Ekaterinburg; Perm, 1995.)
- [Куренная 1995] — Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема / Ред. Н. Куренная. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995.
- [Znakomyy neznakomets: Sotsialisticheskiy realizm kak istoriko-kul'turnaya problema / Ed. by N. Kurennaia. Moscow, 1995.)
- [Куренная 2004] — *Куренная Н.* Социалистический реализм. Историко-культурный аспект (Из опыта восточноевропейских литератур. 1930—1970-е годы). М.: Институт славяноведения РАН, 2004.
- [Kurennaia N. Sotsialisticheskiy realizm. Istoriko-kul'turnyy aspekt (iz opyta vostochnoevropeyskikh literatur. 1930—1970-e gody). Moscow, 2004.)
- [Максименков 1997] — *Максименков Л.* Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция, 1936—1938. М.: Юридическая книга, 1997.
- [Maksimenzov L. Sumbur vmesto muzyki: Stalinskaya kul'turnaya revolyutsija, 1936—1938. Moscow, 1997.)
- [Между молотом и наковальной 2011] — Между молотом и наковальной. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева, З.К. Водопьянова и др. М.: РОССПЭН, 2011.
- [Mezhdy molotom i nakoval'ney. Soyuz sovetskikh pisateley SSSR. Dokumenty i kommentarii / Comp. by T.M. Gorjaeva, Z.K. Vodop'janova et al. Moscow, 2011.)
- [Минералов 1995] — *Минералов Ю.* Так говорила держава: XX век и русская песня. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 1995.
- [Mineralov Ju. Tak govorila derzhava: XX vek i russkaya pesnya. Moscow, 1995.)
- [Морозов 2007] — *Морозов А.* Соцреализм и реализм. М.: Галарт, 2007.
- [Morozov A. Sotsrealizm i realizm. Moscow, 2007.)
- [Музыка вместо сумбура 2013] — Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917—1991. Документы / Под ред. Л. Максименкова. М.: Фонд Демократия, 2013.
- [Muzyka vmesto sumbura: Kompozitory i muzykanty v Strane Sovetov. 1917—1991. Dokumenty / Ed. by L. Maksimenkov. Moscow, 2013.)
- [Мы предчувствовали полыханье 2015] — «Мы предчувствовали полыханье...». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г.: Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2015.

- (“My predchuvstvovali polyhan’e...”. Soyuz so-
vetskikh pisateley SSSR v gody Velikoy Ote-
chestvennoy voyny. Iyun’ 1941 — sentyabr’
1945 g.: Dokumenty i kommentarii. Moscow,
2015.)
- [Паперный 1985] — *Паперный В.* Культура
Два. Ann Arbor: Ardis, 1985.
(*Paperny V. Kul'tura Dva.* Ann Arbor, 1985.)
- [Посадская 2013] — *Посадская Л.* Советская
повседневность в художественных тек-
стах (1920-е — 1990-е годы). М.: АИРО—
XXI, 2013.
(*Posadskaya L. Sovetskaya povsednevnost' v khu-
dozhestvennykh tekstakh (1920-e — 1990-e go-
dy).* Moscow, 2013.)
- [Раку 2014] — *Раку М.* Музыкальная клас-
сика в мифотворчестве советской эпо-
хи. М.: Новое литературное обозрение,
2014.
(*Raku M. Muzykal'naya klassika v mifotvorchestve
sovetskoy epokhi.* Moscow, 2014.)
- [Рыклин 1992] — *Рыклин М.* Террорологии.
Тарту; М.: Эйдос, 1992.
(*Ryklin M. Terrorologii.* Tartu; Moscow, 1992.)
- [Рыклин 2002] — *Рыклин М.* Пространства
ликования: Тоталитаризм и различие.
М.: Логос, 2002.
(*Ryklin M. Prostranstva likovaniya: Totalitarizm i raz-
lichie.* Moscow, 2002.)
- [Сальникова 2014] — *Сальникова Е.* Совет-
ская культура в движении: от середины
1930-х к середине 1980-х. Визуальные
образы, герои, сюжеты. М.: ЛКИ, 2014.
(*Sal'nikova E. Sovetskaya kul'tura v dvizhenii: ot se-
rediny 1930-kh k sereдинe 1980-kh. Vizual'nye
obrazy, geroi, syuzhety.* Moscow, 2014.)
- [Сандомирская 2013] — *Сандомирская И.* Бло-
када в слове. Очерки критической теории
и биополитики языка. М.: Новое литера-
турное обозрение, 2013.
(*Sandomirskaya I. Blokada v slove. Ocherki kritiches-
koy teorii i biopolitiki yazyka.* Moscow, 2013.)
- [Сталинские премии 2007] — Сталинские пре-
мии: Две стороны одной медали: Сб. до-
кументов и художественно-публицисти-
ческих материалов / Сост. В. Свиньин,
К. Осеев. Новосибирск: Свиньин и сы-
новья, 2007.
(*Stalinskie premii: Dve storony odnoy medal'i. Sb.
dokumentov i khudozhestvenno-publitsisti-
cheskikh materialov / Comp. by V. Svin'in,
K. Oseev.* Novosibirsk, 2007.)
- [Счастье литературы 1997] — «Счастье лите-
ратуры»: Государство и писатели, 1925—
1938: Документы / Сост. Бабиченко Д.
М.: РОССПЭН, 1997.
(“Schast'e literatury”: Gosudarstvo i pisateli, 1925—
1938: Dokumenty / Comp. by D. Babichenko.
Moscow, 1997.)
- [Туровская 2007] — *Туровская М.* Обыкновен-
ный фашизм, или Сорок лет спустя // Искусство кино. 2007. № 7. С. 117—118.
(*Turovskaya M. Obyknovennyy fashizm, ili Sorok let spustya // Iskusstvo kino.* 2007. № 7. P. 117—118.)
- [Хмельницкий 2007а] — *Хмельницкий Д.* Ар-
хитектура Сталина. Психология и стиль.
М.: Прогресс-Традиция, 2007.
(*Hmel'nitsky D. Arhitektura Stalina. Psikhologiya i
stil'.* Moscow, 2007.)
- [Хмельницкий 2007б] — *Хмельницкий Д.*
Зодчий Сталин. М.: Новое литератур-
ное обозрение, 2007.
(*Hmel'nitsky D. Zodchiy Stalin.* Moscow, 2007.)
- [Цензура в Советском Союзе 2004] — Цензу-
ра в Советском Союзе, 1917—1991. Доку-
менты / Сост. В. Воловников, А. Блюм.
М.: РОССПЭН, 2004.
(*Tsenzura v Sovetskom Soyuze, 1917—1991. Do-
kumenty / Comp. by V. Volovnikov, A. Bljum.*
Moscow, 2004.)
- [Чайковская 2019] — *Чайковская В.* Дух под-
линности: Соцреализм и окрестности.
М.: Искусство—XXI век, 2019.
(*Chajkovskaya V. Dukh podlinnosti: Sotsrealizm i
okrestnosti.* Moscow, 2019.)
- [Чегодаева 2003] — *Чегодаева М.* Социалис-
тический реализм: Мифы и реальность.
М.: Захаров, 2003.
(*Chegodaeva M. Sotsialisticheskiy realizm: Mify i
real'nost'.* Moscow, 2003.)
- [Янковская 2007] — *Янковская Г.* Искусство,
деньги и политика. Художник в годы
позднего сталинизма. Пермь: ПГУ, 2007.
(*Jankovskaya G. Iskusstvo, den'gi i politika. Khu-
dozhnik v gody pozdnego stalinizma.* Perm,
2007.)
- [Aucouturier 1998] — *Aucouturier M.* Le réalisme
socialiste. Paris: PUF, 1998.
- [Balina, Dobrenko 2009] — *Petrified Utopia: Happi-
ness Soviet Style / Ed. by M. Balina, E. Dob-
renko.* London: Anthem Press, 2009.
- [Belodubrovskaya 2020] — *Belodubrovskaya M.*
Not According to Plan. Ithaca: Cornell UP,
2020.
- [Beyond Totalitarianism 2008] — *Beyond Totalitar-
ianism: Stalinism and Nazism Compared /
Ed. by M. Geyer, S. Fitzpatrick.* Cambridge:
CUP, 2008.
- [Bonnell 1999] — *Bonnell V.* Iconography of Power:
Soviet Political Posters under Lenin and Sta-
lin. Berkeley: University of California Press,
1999.
- [Boym 1995] — *Boym S.* Common Places: Mytho-
logies of Everyday Life in Russia. Cambridge,
MA: Harvard UP, 1995.
- [Bowen 1998] — *Bowen M.* Socialist Realist Pain-
ting. New Haven: Yale UP, 1998.

- [Brandenberger 2002] — *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge, MA: Harvard UP, 2002.
- [Brandenberger, Platt 2006] — Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / Ed. by D. Brandenberger, K. Platt. Madison: University of Wisconsin Press, 2006.
- [Brooks 2001] — *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, NJ: Princeton UP, 2001.
- [Brown 1953] — *Brown E.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928—1932. New York: Columbia UP, 1953.
- [Brown 1982] — *Brown E.* Russian Literature since the Revolution. Cambridge: Harvard UP, 1982.
- [Clark 1981] — *Clark K.* The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- [Clark 1995] — *Clark K.* Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1995.
- [Clark 2011] — *Clark K.* Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931—1941. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 2011.
- [David-Fox 2012] — *David-Fox M.* Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921—1941. New York: OUP, 2012.
- [David-Fox 2015] — *David-Fox M.* Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.
- [DeHaan 2016] — *DeHaan H.* Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power. Toronto: University of Toronto Press, 2016.
- [Dobrenko, Naiman 2002] — *Dobrenko E., Naiman E.* The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle, 2002.
- [Dunham 1976] — *Dunham V.* In Stalin's Time: Middle-class Values in Soviet Fiction. Durham: Duke UP, 1976.
- [Eastman 1934] — *Eastman M.* Artists in Uniform: A Study of Literature and Bureaucratism. New York: A.A. Knopf, 1934.
- [Engerman 2010] — *Engerman D.* Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet. Oxford: OUP, 2010.
- [Ermolaev 1963] — *Ermolaev H.* Soviet Literary Theories 1917—1934: The Genesis of Socialist Realism. Berkeley: University of California Press, 1963.
- [Fairclough 2016] — *Fairclough P.* Classics for the Masses Shaping Soviet Musical Identity under Lenin and Stalin. London: Yale UP, 2016.
- [Fitzpatrick 1999] — *Fitzpatrick S.* Stalinism: New Directions. London: Routledge, 1999.
- [Fridberg 1962] — *Fridberg M.* Russian Classics in Soviet Jackets. New York: Columbia UP, 1962.
- [Frolova-Walker 2016] — *Frolova-Walker M.* Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics. London: Yale UP, 2016.
- [Golomstock 1990] — *Golomstock I.* Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy, and the People's Republic of China. London: Collins Harvill, 1990.
- [Gorham 2003] — *Gorham M.* Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.
- [Gronow 2003] — *Gronow J.* Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia. London: Bloomsbury, 2003.
- [Groys 1988] — *Groys B.* Gesamtkunstwerk Stalin. München; Wien: Hanser Verlag, 1988.
- [Gutkin 1999] — *Gutkin I.* The Cultural Origins of the Socialist Realist Aesthetic, 1890—1934. Evanston: Northwestern UP, 1999.
- [Günther 1984] — *Günther H.* Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart: Metzler, 1984.
- [Günther 1993] — *Günther H.* Der sozialistische Übermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart: Metzler, 1993.
- [Halfin 2003] — *Halfin I.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, MA: Harvard UP, 2003.
- [Halfin 2009] — *Halfin I.* Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.
- [Hatherley 2015] — *Hatherley O.* Landscapes of Communism: A History through Buildings. London: Allen Lane, 2015.
- [Hellbeck 2009] — *Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, MA: Harvard UP, 2009.
- [Hoffmann 2011] — *Hoffmann D.* Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914—1939. Ithaca, NY: Cornell UP, 2011.
- [Hoffmann 2003] — *Hoffmann D.* Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917—1941. Ithaca, NY: Cornell UP, 2003.
- [Hudson 2015] — *Hudson H.* Blueprints and Blood: The Stalinization of Soviet Architecture, 1917—1937. Princeton, NJ: Princeton UP, 2015.
- [Intimacy and Terror... 1995] — Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's / Ed. by V. Garros, T. Lahusen, N. Korenevskaya. New York: New Press, 1995.
- [Kaganovsky 2008] — *Kaganovsky L.* How the Soviet Man Was Unmade. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008.

- [Kelly 2008] — *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890—1991. London: Yale UP, 2008.
- [Kenez 1992] — *Kenez P.* Cinema and Soviet Society: From the Revolution to the Death of Stalin. Cambridge: CUP, 1992.
- [Kershow 2001] — *Kershow I.* The “Hitler Myth”: Image and Reality in the Third Reich. Oxford: OUP, 2001.
- [Kotkin 1997] — *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1997.
- [Kucher 2007] — *Kucher K.* Der Gorki-Park: Freizeitkultur Im Stalinismus 1928—1941. Cologne: Bohlau, 2007.
- [Lahusen 2002] — *Lahusen T.* How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca, NY: Cornell UP, 2002.
- [Mangan 1999] — *Mangan J.A.* Shaping the Superman: Fascist Body as Political Icon — Aryan Fascism. London: Routledge, 1999.
- [Michaud 1996] — *Michaud E.* Un art de l'éternité. L'image et le temps du national-socialisme. Paris: Gallimard, 1996.
- [Neuberger 2019] — *Neuberger J.* This Thing of Darkness: Eisenstein's Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Ithaca, NY: Cornell UP, 2019.
- [Nietzsche and Soviet Culture... 1995] — Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary / Ed. by B. Rosenthal. Cambridge: CUP, 1995.
- [O'Mahoni 2006] — *O'Mahoni M.* Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture. London: Reaktion Books, 2006.
- [Paperno 2011] — *Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. Ithaca, Cornell UP, 2011.
- [Perrie 2001] — *Perrie M.* The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. London: Palgrave Macmillan, 2001.
- [Petrone 2000] — *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana UP, 2000.
- [Piretto 2001] — *Piretto G.* Il radioso avvenire: mitologie culturali sovietiche. Torino: Einaudi, 2001.
- [Piretto 2009] — *Piretto G.* Gli occhi di Stalin: la cultura visuale sovietica nell'era staliniana. Milano: Cortina Raffaello, 2009.
- [Plamper 2012] — *Plamper J.* The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. New Haven: Yale UP, 2012.
- [Platt 2011] — *Platt K.* Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths. Ithaca, NY: Cornell UP, 2011.
- [Rancour-Laferriere 1988] — *Rancour-Laferriere D.* The Mind of Stalin: A Psychoanalytic Study. Ann Arbor: Ardis, 1988.
- [Robin 1986] — *Robin R.* Le Réalisme socialiste: Une esthétique impossible. Paris: Payot, 1986.
- [Rosenthal 2002] — *Rosenthal B.* New Myth, New World: From Nietzsche to Stalinism. University Park, PA: Penn State UP, 2002.
- [Ruder 1998] — *Ruder C.* Making History for Stalin: The Story of the Belomor Canal. Gainesville: University Press of Florida, 1998.
- [Ruder 2018] — *Ruder C.* Building Stalinism: The Moscow Canal and the Creation of Soviet Space. London: I.B. Tauris, 2018.
- [Rusnock 2010] — *Rusnock A.* Socialist Realist Painting During the Stalinist Era (1934—1941). Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2010.
- [Schnapp 1996] — *Schnapp J.* Staging Fascism: 18 BL and the Theater of Masses for Masses. Stanford: Stanford UP, 1996.
- [Schlögel 2008] — *Schlögel K.* Terror und Traum. Moskau 1937. München: Hanser, 2008.
- [Slezkine 2017] — *Slezkine Yu.* The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton UP, 2017.
- [Slonim 1964] — *Slonim M.* Soviet Russian Literature: Writers and Problems: Writers and Problems, 1917—67. Oxford: OUP, 1964.
- [Socialist Realism... 1997] — Socialist Realism without Shores / Ed. by T. Lahusen, E. Dobrenko. Durham, NC: Duke UP, 1997.
- [Socialist Realism... 2018] — Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses / Ed. by E. Dobrenko, N. Skradol. London: Anthem Press, 2018.
- [Soviet Music and Society 2004] — Soviet Music and Society under Lenin and Stalin: The Baton and Sickle / Ed. by N. Edmunds. London: Routledge, 2004.
- [Spackman 1996] — *Spackman B.* Fascist Virilities: Rhetoric, Ideology, and Social Fantasy in Italy. Minneapolis: Minnesota UP, 1996.
- [Spring, Taylor 1993] — *Spring D., Taylor R.* Stalinism and Soviet Cinema. London: Routledge, 1993.
- [Stites 1992] — *Stites R.* Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900. Cambridge: CUP, 1992.
- [Stites 1995] — *Stites R.* Culture and Entertainment in Wartime Russia. Bloomington: Indiana UP, 1995.
- [The Culture of the Stalin Period 1990] — The Culture of the Stalin Period / Ed. by H. Günther. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1990.
- [Theweleit 1977—1978] — *Theweleit K.* Männerphantasien. 2 Bände. Stroemfeld Frankfurt am Main Basel: Verlag Roter Stern, 1977—1978.
- [Tomoff 2006] — *Tomoff K.* Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939—1953. Ithaca, NY: Cornell UP, 2006.
- [Tomoff 2015] — *Tomoff K.* Virtuosi Abroad: Soviet Music and Imperial Competition during the

- Early Cold War, 1945—1958. Ithaca, NY: Cornell UP, 2015.
- [Through the Glass of Soviet Literature 1953] — Through the Glass of Soviet Literature: Views of Russian Society / Ed. by E. Simmons. New York: Columbia UP, 1953.
- [Tumarkin 1983] — *Tumarkin N.* Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass: Harvard UP, 1983.
- [Tumarkin 1995] — *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. Basic Books, 1995.
- [Widdis 2003] — *Widdis E.* Visions of a New Land: Soviet Film from the Revolution to the Second World War. London: Yale UP, 2003.
- [Zubovich 2020] — *Zubovich K.* Moscow Monumental: Soviet Skyscrapers and Urban Life in Stalin's Capital. Princeton, NJ: Princeton UP, 2020.